

ДОСТРОЕННЫЙ ЗАМОК ГОАР МАРКОСЯН

© Сагабалин Руслан Парнавазович (2024), Москва, независимый исследователь, sagarus@mail.ru

Эссе носит мемуарный характер и завершает блок материалов, посвященных юбилею Гоар Маркосян-Каспер. Вместе с тем, помимо ценных сведений биографического свойства, оно содержит наблюдения и факты, позволяющие, с одной стороны, лучше представить творческую лабораторию Гоар Маркосян-Каспер, а с другой – способствовать теоретическому осмыслению такого феномена, как русскоязычная литература постсоветского ближнего зарубежья.

Ключевые слова: Гоар Маркосян-Каспер, русскоязычная литература, прототип, Армения, Эстония.

1.

«Елена полагала, что главное в медицине – это лечить больных, а обобщать результаты – дело скучное и бесполезное. Но Ася колола и колола Еленино самолюбие, стимулируя его точно так же, как сама Елена иглоукалыванием стимулировала самооценку всяких астеников и импотентов».

Гоар Маркосян-Каспер «Елена»

В далекие теперь уже времена я чуть не стал врачом. Мама очень этого хотела и, много лет проработав в сфере медицины не самым незаметным человеком, мечтала увидеть меня в белом халате, с небрежно накинутым на шею стетоскопом. Доложу вам, что сей нехитрый предмет для врача, как высшие офицерские погоны у военного, знак того, что человек серьезным делом занят. В тот день я должен был явиться в медицинский институт с папкой, в которой лежали заявление, фотографии, аттестат зрелости и другие бумаги. Более того, меня там ждали, были предупреждены. Я и явился во всей своей красе. Постоял в коридоре, осмотрелся, и что-то мне в этом заведении сильно не понравилось. Может, его торжественная стерильность. Или портреты на стенах – знаменитые эскулапы всех времен и народов, давшие клятву прародителю Гиппократу и сурово вззирающие на абитуриентов, – не знаю, что меня неприятно кольнуло, но помню, что

стало неудобно, и я позорно бежал. Постоял минуту перед дверью, на которой значилось «прием документов», затем круто развернулся и выскочил на улицу. Направился в сторону университета, который находился в двух автобусных остановках отсюда. Решил поступать на факультет журналистики, но оказалось, что этот факультет армяноязычный, я и сдал документы на русскую филологию. Ходил на вступительные экзамены в университет, а мать думала, что в медицинский, уже белый халат мне подгоняла. Стоит ли говорить, как она, считавшая знание языка и литературы не профессией, а досужим словоблудием, была разочарована, и не скажу, что разочарование ее не имело под собой оснований. Однако так вышло, что во второй половине жизни количество белых халатов, с которыми в силу непредвиденных обстоятельств приходилось иметь дело, — оно, это количество, все возрастало, и близкое общение с носителями стетоскопов все больше убеждало меня в правильности собственного выбора.

Знаете, что сказал мне однажды мой хороший знакомый, в восьмидесятые-девяностые широко известный врач, разработавший метод поверхностного дыхания как способ излечения от гипертонии и бронхиальной астмы, доктор Бутейко Константин Павлович?.. Разуверившись в ортодоксальной медицине, я в те годы осваивал все нетрадиционное в лечении; прилетел к знаменитому эскулапу в Новосибирский академгородок и прожил там под наблюдением доктора и его ассистентки две недели. Так вот, Константин Павлович, узнав о моем писательстве, не поленившись прочесть пару моих публикаций, а также услышав мой рассказ о несостоявшейся учебе в институте, сказал, мол, ничего удивительного в том, что интерес к анатомии и физиологии у некоторых плавно перетекает в куда более загадочную сферу страстей человеческих, и это фактически духовное обобщение материального опыта. Так и сказал — духовное обобщение материального опыта. Вдобавок ошорошил, заявив, что представителям двух профессий смелый полет мысли не только чужд, но и категорически противопоказан: это врачи и школьные учителя.

Я дотошно проверял, так ли это, приглядываясь к тем и другим. С одной стороны, все верно, все так, как говорил Бутейко, с другой — я видел немало врачей, таланту, фантазии и внутренней свободе которых позавидовали бы самые свободные художники всех времен и народов. Видел их, уточню, не в реальной жизни, а все больше на книжных полках. Так что не очень удивился, узнав, что в ряде стран

проводятся конгрессы писателей-врачей, на одном из которых председательствовал и выступил сам Жорж Сименон. Вот что он сказал: «Мой друг и учитель Сомерсет Моэм, сам по профессии врач, писал, что не знает лучшей школы для писателя, чем несколько лет, посвященных медицине...» И дальше: «Я часто раздумывал: почему, в какой бы стране я ни жил, моими лучшими друзьями неизменно оказывались медики – сельские доктора и лабораторные исследователи, специалисты или главные врачи клиник? Неужели одна моя ипохондрия при всей ее остроте может объяснить эту тягу? Истина же заключается в том, что мы, врачи и писатели, рассматриваем человека под одним, я бы сказал, углом зрения, ищем в нем один и тот же огонек истины».

Больше врач или больше писатель? Этим вопросом я никогда не задавался, читая, скажем, того же Моэма, Чехова или Булгакова. Не было сомнений: они, прежде всего, писатели. Задался этой дилеммой, познакомившись с Гоар. Здесь-то начинается мой рассказ. Я в то время работал в журнале «Литературная Армения», и одна моя приятельница, журналистка, рассказала о талантливой, очень эрудированной молодой женщине-враче, кандидате наук, стихи которой я просто обязан прочитать. Не жалую врачей, корпящих над диссертациями, от которых здоровья у населения не прибавляется, еще более не жалую томных дам, сочиняющих стихи, и все же с протеже моей приятельницы встретился. Познакомились и удивительно быстро подружились. Я не таю от поэзии, даже от хорошей, но к любому таланту равнодушен, а вот интеллект, потрясающая память и человеческие качества Гоар меня по-настоящему тронули. Ко всему прочему, оказалось, что учились мы в одной школе, правда, она перешла в другую (круглой отличницей) с шестого класса. Но общий дом – уже что-то. Мы заблуждаемся, полагая, что хорошая память и бестолковое коллекционирование разнокалиберной информации (телепередачи типа «Самый умный» или «Что? Где? Когда?») – верный признак ума. А вот и нет. Свойства ума проявляются не в хорошей памяти, а в суждениях, анализе, аргументации, в умении построить собственную систему ценностей. В личностном, а не общепринятом мировосприятии. Все это в Гоар не просто присутствовало, а бросалось в глаза. Плюс самоирония, остроумие. Вполне могла бы участвовать в любом КВНе, но была некомандным, неколлективным человеком. Нетипичным показалось и то, что она, при своей некокетливой женственности, увле-

калась научной фантастикой, сочиняла фантастические рассказы. Любительниц этого жанра везде немного, а в Армении вовсе кот наплакал. То есть я писал фантастику, печатался, и она ее писала, хоть и не печаталась. Перебивая друг друга, мы перекидывались сюжетами и придумывали по ходу новые. Мишени для сарказма и насмешек у нас тоже, как правило, совпадали. Даже каламбуры. Спустя годы, читая ее книги, каждую из которых она дарила мне с теплой надписью, я встречал в диалогах или авторской речи знакомые мне фразы, шутки, остроты, коими она всегда увлекалась... Начались эти дарения с малюсенького сборника стихов под названием «Недостроенный замок мой», изданного в Ереване с трудом, ибо писательская братия не любит посторонних.

Теперь выдержу паузу и впервые за много лет признаюсь: если бы не семья и дети (мои), не исключено и даже скорее всего я бы в конце концов попросил ее руки. Не знаю, как к такому признанию отнесется мой старый друг, эстонский писатель Калле Каспер, ставший ее мужем с моей легкой руки. К тому же сильно сомневаюсь, что мы с ней были бы так же счастливы, как они с Калле. Не раз убеждался в простой истине: что ни случается, все к лучшему.

2.

«Как любить существо никакое – ни умное, ни глупое, ни хорошее, ни плохое, ни доброе, ни злое, ни, ни, ни. Никаких талантов, никаких достоинств, никаких хотя бы выразительных недостатков...»

Гоар Маркосян-Каспер «Пенелопа»

Она до сорока лет не была замужем. Не хотела: уж больно скучные мужчины, по крайней мере, те, которые ей попадались. Думаю, и мужчины не рвались заводить с ней общее хозяйство: хлопотно жить с умницей, свободной от всякого рода штампов. Я пару раз бывал у нее дома, с удовольствием общался с папой, оперным певцом, мамой, бывшей балериной. С завистью взирал на прекрасную домашнюю библиотеку – стеллажи от пола до потолка не ради красоты. Гоар прочитала все, как говорится, от корки до корки, Младшая сестра, Асмик, кстати говоря, прототип самого знаменитого ее романа «Пенелопа», хореограф, как и мать, старалась не отставать от Гоар, тоже непростой

человечек, не нашедший спутника жизни, хотя меня, должен признаться, напрягала категоричность и непреклонность ее суждений. Гоар была заметно мягче. А вообще, доложу вам, ум и мудрость идут рука об руку; умная женщина не демонстрирует свой ум там и сям, не настаивает на своей правоте, но и дискомфорта от одиночества не ощущает. Пока не встретит своего человека. Как повезет. А уж если встретит, всплеснет руками: как же я, оказывается, до сих пор была одинока!

Проучившись на высших двухгодичных курсах сценаристов и режиссеров в Москве (ярчайшие были годы!), я вернулся в Ереван, сделал несколько сценариев, работал в одной забавной газете, в другой и однажды получил письмо сокурсника из Таллина... Простите, уточняю: до того сам ездил в любимую Эстонию, встречался с друзьями и с сокурсником Калле Каспером. Потом мы переписывались, а уж потом сам Калле приехал ко мне в гости. Невеселый после очередного своего развода. Или, наоборот, веселый – уже не помню. Мы с ним много гуляли, посещали хороших людей, выставки, музеи, мастерские армянских художников, ездили за город смотреть стандартные достопримечательности – все как обычно, когда в Армению приезжает дорогой гость. На четвертый или пятый день эстонец захворал: радикулит согнул беднягу пополам. Тут я и вспомнил о своей замечательной подруге, лучшем в городе иглотерапевте, которая, к слову сказать, защитила диссертацию как раз по радикулиту. Институт физиотерапии, где Гоар заведовала отделением рефлексотерапии, находился совсем близко от нашего дома. Приволок друга, представил, рассказал, что и как, и Калле лег под иглы. Потом ходил туда еще и еще, постепенно выпрямляясь и обретая румянец, в результате от туристических достопримечательностей отказался наотрез. Спустя месяц после его отъезда я от Гоар узнал, что они переписываются, а вскоре он приехал еще раз и со всей решительностью, как раньше джигиты похищали невест, увез (разве что не на лошади) кандидата наук, самую умную девушку Еревана, автора сборника стихов, в северный город, с климатом которого Гоар не могла смириться до конца дней своих, называя его не иначе как «холодильник». Оно, конечно, для жителя солнечного города полгода полусонного от жары, то был не «холодильник» даже, а «морозильник», но именно этот переезд сделал ее настоящим, известным писателем и счастливой женой. Что касается меня, то, смахнув скупую мужскую слезу, я от всей души поздравил ребят.

Первое время Гоар совмещала медицину и литературное творчество, но профессия ее в Таллине оказалось не слишком востребованной, хотя врачом она была первоклассным. Северные люди в силу традиционно завышенной самооценки и далеко не всегда оправданного высокомерия, нередко снисходительно поглядывают на людей южных, не веря в их профессиональные возможности. Ваш покорный слуга с этим феноменом сталкивался. Однако, как было сказано выше, что ни случается, все к лучшему, нет худа без добра. Гоар полностью отдала себя творчеству, и по мере писательского становления (проза – дама ревнивая) уходила от врачевания все дальше и дальше. Вспомнился случай с Булгаковым, которого во время гражданской войны назначили полковым врачом; уехав на фронт, он заразился тифом, долго болел, чуть не умер и окончательно решил свою дальнейшую судьбу в пользу литературы.

В 1970–1980-е годы Эстония для русскоязычных писателей была местом благодатным. Туда переехало немало пишущих людей (среди них можно назвать Сергея Довлатова), коих в Ленинграде не признавали, не печатали, в упор не видели. А в Эстонии в то время хорошие книги на русском печатали охотно. И даже гонорары авторам платили.

3.

«Женщине легче. У нее свои проблемы. Общественные всегда подождут. Вот когда у женщин нет своих проблем, они дуреют. Или звереют. Бегут за властелинами дум по их указанию – а часто и опережая указания – выцарапывают глаза, перегрызают глотки. Когда у них нет своих проблем, они опасны для общества».

Гоар Маркосян-Каспер «Пенелопа».

«За сорок лет счастливо или не очень прожитой жизни мне ни разу не приходила в голову мысль, что я могу вдруг сорваться с места, бросить родителей, подруг, работу и ринуться в неизвестность. Правда, в аспирантские годы я некоторое время лелеяла мечту перебраться в Москву, но это была лишь мечта, довольно расплывчатая. Вообще я никогда особой решительностью не отличалась. И вдруг... Как я позднее узнала, мой шаг особенно всполошил подруг свекрови,

которые убеждали ее, что я выскочила замуж за ее сына с дальней целью развестись и отсудить половину квартиры, дабы укорениться... Где?! В этом холодильнике, физическом и психологическом».

Эти строки Гоар писала в Барселоне, в больнице, в сентябре 2015 года. К тому времени она была уже автором десятка книг, переведенных на основные европейские языки, нескольких сборников стихов, драматургом, лауреатом ряда престижных литературных премий. С середины девяностых они с Калле много ездили – на литературные форумы, международные книжные ярмарки, в Париж, Берлин, в любимую Италию, Венецию – мир открылся. По меньшей мере раз в год я с ними виделся в Москве или Ереване, и при каждой встрече она дарила мне очередную книгу, первой – знаменитую «Пенелопу», номинированную на русского Букера, затем «Пенелопа пускается в путь», «Елена», «Париж был так прекрасен», «Memento mori» и целую стопку фантастических романов. Написала бы она эти произведения, живя в Ереване? Уверен, что нет. Надо было пожить другой жизнью, в другой стране, другом мире, другой атмосфере, иметь многоликое, многоязыковое окружение, увидеть себя, свой город и народ со стороны, другими глазами и описать его с той иронией, грустной усмешкой или невозмутимым хирургическим препарированием, как это было сделано в «Пенелопе». Как это стоило бы делать каждому писателю. Как это делал Джеймс Джойс, описывая соотечественников-ирландцев и путешествуя при этом по Европе. Не мною замечено, что сюжетная линия «Пенелопы» напоминает джойсовского «Улисса»: там один день Блума, здесь один день ереванской девушки, которая в условиях хаоса, межнациональных конфликтов, войны и блокады, отсутствия света и газа стремится найти горячую воду, принять ванну, душ, элементарно искупаться.

Русскоязычной интеллигенции нелегко приходилось. Вот как о тех лихих временах рассуждает героиня романа: «Не мудрено, что когда в мгновение ока все русские школы вместе с преподавателями и учениками обратились в армянские, и новоявленное государство со всеми атрибутами и учреждениями не перекатилось плавно по языковому полю, а, подобно футбольному мячу под мощным ударом вратаря, перелетало от одних ворот к другим, к синему армянскому небу вознесся многоголосый стон армян русскоговорящих и русско-пишущих. Большинство которых в общем-то не возражало, но... Пожалуй-ста, не так скоро, не сейчас, не вдруг...»

В своем чрезвычайно трогательном романе «Чудо» Калле рассказывает о последних днях Гоар в барселонской больнице. Она врач, она прекрасно понимала, что осталось ей совсем немного, но, почувствовав себя чуть лучше, попросила у мужа карандаш и бумагу и написала несколько страниц, которые впоследствии были опубликованы в «Литературной Армении» под заглавием «Это сладкое слово "маньяна"». В переводе с испанского – «завтра». Сладкое, потому что завтра может не наступить.

4.

Родилась я черной пантерой, а в миру я слышу котенком...

*Гоар Маркосян-Каспер
«Родилась я черной пантерой»*

Забрав из больницы вазу с прахом Гоар, Калле вместе со свояченицей Асмик (Пенелопа) в сентябре 2015-го отправился в Венецию, «похоронить» жену, как та просила, в одном из каналов любимого города.

За прошедшие годы он так и не женился. Четверть века счастливой и полноценной жизни ничем не заменить – так он мне говорил. «Поезжай в Венецию, обязательно найди могилу Гоар! – велел мне в марте этого года, узнав, что я еду в Рим. – Ей будет приятно». Я и поехал. Поезд вез меня четыре часа, я всю дорогу чихал и кашлял, отпугивая пассажиров, сидящих напротив. Скорее всего, подхватил вирус в битком набитом римском метро. Прибыл в Венецию – город, мгновенно погружающий тебя в прошлое, – вышел из вокзала к Большому каналу. Долго искал то место, которое указал Калле на схеме, где пересекались кривые-косые линии улочек. Топографическими способностями никогда не отличался – так и не нашел. Но Венеция есть Венеция, канал есть канал, вода есть вода. Стоял на берегу, на самой кромке, вытирал платком сильно вспотевший лоб – неужели температура? – взирал на сказочные строения и что-то невнятное бормотал, затем, обращаясь к воде, сказал, вспомнив ее с трудом изданную когда-то первую книжку стихов: «Достроен твой замок, пантера». Мимо прошел речной трамвай, полный туристов, пахло хлоркой, капризные бронхи мои взбунтовались, а в нескольких шагах от меня черноокая торговка у киоска настойчиво предлагала купить карнавальную маску.

THE COMPLETED CASTLE OF GOHAR MARKOSIAN

© **Sagabalyan Ruslan Parnavazovich** (2024), Moscow, independent researcher, sagarus@mail.ru

The essay is of a memoir nature and completes a block of materials dedicated to the anniversary of Gohar Markosian-Kasper. At the same time, in addition to valuable biographical information, it contains observations and facts that allow, on the one hand, to better represent the creative laboratory of Gohar Markosian-Kasper, and on the other hand, to contribute to the theoretical understanding of such a phenomenon as Russian-language literature of the post-Soviet neighbourhood.

Keywords: Gohar Markosian-Kasper, Russian-language literature, prototype, Armenia, Estonia.

Поступила в редакцию 23.04.2024